

А.Л. НИКИФОРОВ, Ю.М. РЕЗНИК

О СИТУАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ДИАЛОГ)*

***Аннотация:** В центре внимания участников диалога – судьба Российской академии наук и их собственная научная судьба. Они анализируют ход событий, расклад сил по отношению к только что принятому закону о реорганизации РАН и проходят к неутешительному выводу, что в противостоянии между академией и чиновниками победу одержали последние. Отечественные ученые так и не стали полноценной частью гражданского общества, а поэтому и не смогли противостоять бюрократическому давлению. Сейчас многие из них обреченно ждут своей участи. Но есть и те, кто не готов мириться с существующим положением дел и предлагает альтернативные программы по реформированию РАН снизу. К сожалению, их голос не услышан сегодня не только чиновниками, но и большинством коллег.*

Участники беседы определяют круг субъектов, виновных за происходящее в академической науке. Они называют в первую очередь властные структуры, инициировавшие реформу РАН, внутриакадемическую бюрократию, пассивное большинство рядовых научных сотрудников. Собеседники выделяют основные тенденции развития академической науки на данном этапе: финансово-экономическую блокаду научной деятельности, чрезмерную бюрократизацию системы управления наукой; формально-бюрократическую деформацию академического сообщества, его разделение на привилегированную и зависимую части; преобладание нигилистических и иждивенческих настроений в академическом сообществе на фоне общей гражданской пассивности и социокультурной дезориентации большинства ученых, их выпадения из лона интеллигенции; расширение зоны конфликта интересов разных отрядов сообщества ученых, работающих в системе высшего образования; сворачивание и формальную регламентацию пространства свободного научного творчества российских ученых; создание условий для политической радикализации научной общественности в дальнейшей борьбе за свои академические права и свободы.

Безусловно, Академию наук надо реформировать, но не методами бюрократического аппарата, а силами демократической научной общественности. И этот путь ле-

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: nikiforov_first@mail.ru.

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество» (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

жит в плоскости складывания институтов общества знания, соразмерного человеку и его достоинству.

Abstract: *The interlocutors focus on the destiny of the Russian Academy of Sciences and their own destiny as scholars. They analyze the course of events, the balance of powers in relation to the recently passed law on the reorganization of the Russian Academy of Science and comes to a disappointing conclusion that the bureaucrats have won in their opposition with the academy. Russian scientists and scholars have not managed to become an integral part of the civil society and hence have not been able to confront the bureaucratic pressure. Today many of them are resignedly waiting for their fate. But there are also others who are not ready to put up with the existing state of affairs and offer alternative programs for reforming the academy from below. Unfortunately their voice is not heard today either by the officials or the majority of their colleagues.*

The interlocutors attempt to define a set of subjects responsible for what is going on in academia. This includes power structures initiating the academy reform, the internal academic bureaucracy, and the passive majority of ordinary academic workers. The discussants single out the main tendencies in the development of academic science today: the financial-economic blockage of academic activity, the excessive bureaucratization of the administrative system in academic sphere; the formal-bureaucratic deformation of the academic community, its division into the privileged and dependent parts; the predominance of nihilistic and parasitical sentiments in the academic community against the background of the general civic passivity and social-cultural disorientation of the majority of scholars and scientists, their falling out of intelligentsia; the widening of the conflict of interests zone of various scholarly and scientific squads; the shrinking and formal regulation of the free space of academic creativity of Russian scholars and scientists; the preparation of the conditions for the political radicalization of academic community in its future struggle for the academic rights and freedoms.

Certainly the academy of sciences must be reformed. However it should be done not through the bureaucratic methods but rather by the forces of democratic scientific and scholarly community. This vector lies in the plane of shaping of human-proportionate and dignity-oriented knowledge society institutions.

Ключевые слова: наука, культура, философия, академия наук, власть, политика, гражданское общество, бюрократия, реформа, интеллигенция, интеллектуалы, научное сообщество, ученые, конфликт интересов, радикализация, высшая школа, научное творчество, гражданская пассивность, права и свободы.

Keywords: science, philosophy, academy of sciences, power, politics, civil society, bureaucracy, reform, intelligentsia, intellectuals, academic community, scientists, scholars, conflict of interests, radicalization, higher education, scholarly and scientific creativity, civic passivity, rights and freedoms.

Резник Юрий Михайлович: Уважаемый Александр Леонидович! Мы знаем друг друга уже давно. Наши эпизодические встречи в Институте философии и разговоры во время «перекура» убеждают меня лишней раз в том, что мы с Вами — во многом родственные души. Тем для актуальных диалогов между нами имеется более чем достаточно. Хотелось бы поговорить о понимании и назначении современной философии, её обращенности к жизненному миру каждого из нас. Об этом уже давно идет дискуссия в нашем институте. На заседании Ученого совета постоянно заслушиваются и обсуждаются доклады о современном толковании философии, ее предметных основаниях.

Совсем недавно на Всемирном философском конгрессе в Греции наш директор выступил с докладом на тему «О назначении философии».

Я предлагаю Вам, Александр Леонидович, перенести нашу беседу о личном отношении к философии на следующий раз, а сегодня поговорить о насущном. Вы согласны?

Никифоров Александр Леонидович: О природе философии и ее месте в современном мире я говорил и писал уже много раз, в частности, в лекции на тему «Нужна ли философия современному человеку?», прочитанной в РИА «Новости» в ноябре прошлого года. Хотя это «вечная» тема для философов, но Вы совершенно правы относительно того, что сейчас перед нами стоят чрезвычайно острые вопросы, прямо связанные с нашей работой и жизнью, которые заслуживают неотложного обсуждения.

Ю.М.: Да, очевидно, что за столько лет работы в головном философском учреждении у Вас сложились представления о многих проблемах философии. Но неужели Вы относитесь к категории тех наших коллег, которые любят сами себя цитировать и на каждый вопрос отвечают ссылками на свои труды? Всё меняется, в т.ч. сама философия и наши взгляды о ней.

Но перейдем к главному предмету разговора — о реформе РАН и тех последствиях, которые для каждого из нас, работающих в академических учреждениях, последуют в ближайшее время. Предлагаю организовать наш диалог следующим образом: после краткой разминки и общей характеристики ситуации мы поговорим вначале о тех, кто непосредственно отвечает за судьбу РАН, а затем перейдем к поиску путей выхода из создавшейся ситуации.

Если не возражаете, то начнем, пожалуй.

1. Информация к размышлению

К хронике событий

Ю.М.: Вначале нам нужно ввести наших читателей в курс дела. Им хорошо известно, что вокруг отечественной науки сгущаются бюрократические тучи. Судьба РАН и других научных учреждений оказалась под угрозой. Напомню, что речь идет о новом законопроекте «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который в спешном порядке был принят Правительством РФ и направлен на рассмотрение в Государственную думу РФ, первое заседание которой состоялось уже 2 июля 2013 г., когда большинство научных сотрудников РАН ушло в очередной отпуск. Я не буду разбирать содержание законопроекта (с ним можно познакомиться в открытом доступе на одном из сайтов, в т.ч. официальном сайте ИФ РАН (см. прим. 1).

И все же руководство и сотрудников Академии не удалось заставить врасплох. Они смогли оперативно распознать надвигающуюся угрозу и предпринять ряд ответных мер. В последовавшей за этим чередой событий можно выделить следующие шаги:

— 01.07.2013 г. — Заседание и Постановление Президиума РАН о недопустимости разгрома РАН и других государственных академий;

— 02.07.2013 г. — Резолюция Чрезвычайного собрания профсоюза работников РАН г. Москвы и Московской области с требованием отклонить предложенный законопроект;

— 03.07.2013 г. — Встреча Президента РАНЕ, академика В.Е. Фортова с В.В. Путиным; принятие законопроекта Госдумой в первом чтении;

— 04.07.2013 г. — Обращение Профсоюза работников РАН к Председателю Госдумы РФ с требованием остановить обсуждение и принятие законопроекта;

- 05.07.2013 г. – принятие законопроекта Госдумой РФ во втором чтении;
 - 07.07.2013 г. – В. Путин поручил прокуратуре проверить использование имущества РАН;
 - 08.07.2013 г. – Академик В. Захаров объявляет о создании клуба «1 июля». ФИАН. В него вошли свыше 70 академиков, отказавшихся войти в состав новой академии;
 - 24.07.2013 г. – Открытое письмо академика Ж. Алферова Президенту РФ с предложением остановить так называемую «реформу»;
 - 02.08.2013 г. – Конференция научных работников Российской академии наук «Настоящее и будущее науки в России. Место и роль Российской академии наук» с резолюцией;
 - 09.09.2013 г. – Общее собрание РАН;
 - 10.09.2013 г. – митинг протеста, организованный Профсоюзом РАН.
- Более подробная информация содержится в книге «Российская академия наук. Хроника протеста. Июнь – июль 2013 г.» (М., 2013. – 368 с.).
- Александр Леонидович! Может быть, у Вас есть информация о важных событиях, о которых я здесь не упомянул?*

А.Л.: Возможно, стоит упомянуть о митинге, проведенном молодыми учеными Академии в конце августа 2013 г.?

Ю.М.: На этой неделе в Институте философии РАН прошло общее собрание научных сотрудников. С подробной информацией о ситуации и своём отношении к новому законопроекту о РАН выступил директор института А.А. Гусейнов. Он рассказал о слушаниях законопроекта в Госдуме и тех шагах, которые предпринял Президиум РАН. Обращаясь к собранию, Гусейнов сказал, что он не знает, как назвать то отношение, которое демонстрирует нынешняя власть к науке.

Последовавшие далее выступления не заслуживают, с моей точки зрения, отдельного комментария. Большинство из них не имело прямого отношения к теме обсуждения и касалось частных вопросов.

По итогам выступления А.А. Гусейнова было принято обращение, которое подписали все присутствовавшие на собрании сотрудники, хотя многие понимали, что исход противостояния между РАН и соответствующими структурами власти фактически уже предрешен.

События сентября подтвердили наши опасения. Законопроект принят на очередном заседании Госдумы и недавно подписан Президентом. Следовательно, механизм роспуска РАН запущен. Александр Леонидович! Как бы вы прокомментировали общий ход собрания в ИФ РАН? Почему Вы не решились выступить?

А.Л.: Мне кажется, Юрий Михайлович, что главное состояло в том, что мы получили информацию и приняли коллективное решение, дающее принципиальную оценку предложенного законопроекта и способов его лоббирования через Думу. Последующие разговоры мало что добавили к этому решению, поэтому многие члены совета вправе, что не стали выступать.

Ситуация с реформой: противостояние или поиск компромиссов

Ю.М.: Какой Вы, однако, осторожный. У меня складывается ощущение, что разговор не получится. И все же попытаюсь описать в общих чертах своё видение ситуации. Может Вас это как-то заинтересует.

В самой РАН сообщество разделилось по отношению к законопроекту на два лагеря: сторонников компромиссов и соглашений и оппозицию, которая считает, что никакие

компромиссы с властью, взявшей курс на уничтожение науки, невозможны. Первую часть, как полагают эксперты, возглавил президент РАН В.Е. Фортков. Это он встречался с Президентом РФ и организовал внесение поправок в известный законопроект. Наши умеренные коллеги, в т.ч. сам Фортков, считают, что не стоит переходить от обсуждения к политике, но как можно договориться с теми, кто настроен довести ликвидацию РАН до конца и не успокоится на достигнутом. Всё повторяется в который уже раз: нам сначала предлагают сделать одну уступку чтобы сохранить остальное, потом другую, третью, а затем забирают всё, а мы должны быть при этом сдержанными и корректными, тогда как наши противники выламывают нам руки и постоянно меняют правила игры. А то, что это игра для них я не сомневаюсь. Они играют с нами в кошки-мышки, демонстрируя своё превосходство и наслаждаясь процессом нашего унижения.

Позиция Президента РФ ясна. Он ждет, чем завершится противостояние академических руководителей и лидеров с правительством. Свою позицию он уже высказал — законопроект должен быть принят. И он принят. Пока РАН защищается, но шансов у неё нет. Как известно, лучшая оборона — это наступление. Но наступать некуда и некому. Все ждут с какой-то непонятной обреченностью окончательной развязки — закрытия или преобразования своих институтов. Никто не знает, что делать.

В своём докладе на Конференции 2 августа академик Фортков говорил, что «власть не может быть врагом науки, а наука не может быть врагом власти». Интересно, кто же тогда последовательно уничтожает образование и науку в России, как не нынешняя власть? Кто принял этот злополучный законопроект? Может быть инопланетяне? Никому не пожелаешь такого врага, пораженного к тому же трудноизлечимым недугом вседозволенности, а значит — не отвечающего за свои действия.

Очевидно, что существующей власти не нужна Академия наук, как, впрочем, и вся фундаментальная наука. Ведь результаты фундаментальных исследований так непредсказуемы и неустойчивы. Их приходится долго ждать, а власти нужна сиюминутная выгода. Кроме того, бюрократическая экспансия вкупе с нарушениями всех юридических и моральных норм нацелена на присвоение материальных ценностей РАН (зданий, сооружений, оборудования и пр.). Технология захвата зданий и имущества научных учреждений уже испытана на примере отраслевых НИИ. Мне уже приходилось писать о так называемой «реформе» НИИ Министерства культуры РФ.

Теперь настала очередь РАН. Если действовать наступательно, нагло и цинично, не оставляя ученым возможностей для отступления на запасные позиции, то обязательно получится. Получилось же с институтами Минкультуры. В некоторых из них остались лишь вывески, а вот самих институтов (точнее — научных коллективов) уже нет. Наука не терпит грубого вмешательства, а научные сообщества распадаются при авторитарно-бюрократическом режиме. Они могут существовать исключительно как автономные и демократические образования в рамках гражданского общества.

Пора, наконец, осознать, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Я согласен с теми, кто считает, что нельзя усидеть на двух стульях. К тому же всякие попытки заигрывания или поиска компромиссов с властью чреватые потерей всего дела. Дай палец — руку оторвут. Нельзя быть такими наивными, беспомощными и беззащитными. Пора научиться защищать свои права и отстаивать академические свободы. И от участия в протестных акциях еще неразвитого гражданского общества уже не воздержаться. Нельзя противостоять бюрократическому беспределу в одиночку. Нужно объединяться и бороться всеми правовыми и легитимными способами.

Другой позиции придерживается оппозиция, которую сегодня возглавили академики Ж. Алфёров и В. Захаров. Так, Алфёров опирается на поддержку других нобелевских лауреатов, которые заявили, что резкие и радикальные изменения могут подорвать научное сообщество. Они выступают как идейные сторонники «постепенной и частичной инженерии» (термин К. Поппера), которые справедливо полагают, что любые изменения в науке нужно осуществлять при участии самих ученых, т.е. снизу вверх, а не наоборот.

Но и в словах Алфёрова, к сожалению, встречается немало демократической романтики и упования на справедливого царя-батюшку. В своём докладе на Конференции 2 августа он высказал в эмоциональной форме предположение, что В. Путин сможет отказаться от законопроекта, и вместе с учеными разработает закон о науке в РФ. Но закон о реформировании уже принят и не в той редакции, на которую рассчитывали наши либеральные коллеги. Ни одна из серьезных поправок не учтена.

Никак наши академики не могут избавиться от патриархальных иллюзий, полагая, что кто-то там наверху вредит делу науки и образования, но тот, кто выше всех сидит, всё знает и видит, обязательно им поможет. Миф о добром и справедливом царе-батюшке и нерадивых, злых боярах продолжает жить в сознании большинства людей, включая ученых. Иначе как еще объяснить их неустребимую веру в верховного вершителя судеб.

Александр Леонидович! Теперь, спустя некоторое время, у нас есть возможность обменяться с Вами мнениями о сложившейся ситуации и её основных фигурантах. Что Вы можете добавить к оценке ситуации с реформой РАН?

А.Л.: Я вполне с Вами согласен относительно того, что нынешнему режиму не нужна наука, не нужны вообще образованные люди.

Ю.М.: Но не нужна, так не нужна. Что можно еще добавить? Сказано ёмко и чрезмерно лаконично.

2. Кто виноват?

Ю.М.: Продолжим нашу незатейливую беседу, в которой каждый из нас занимает избранную им нишу. Я — излишне пафосную и многословную, а Вы, Александр Леонидович — слегка циничную и краткую. Вам ведь и так уже всё ясно. Умерла, так умерла...

Начну с традиционного вопроса о том, кто виноват. Вопрос, с которым обратился к собранию коллектива ИФ РАН академик Гусейнов, меня также не оставлял в покое. Как назвать то, что предпринимают в отношении нас представители власти? Меня не покидает чувство, что нас опять помещают в категорию «врагов народа», которых надо резонить и поставить на место.

А как бы Вы, Александр Леонидович, описали отношение к РАН со стороны власти и её линию на уничтожение всей фундаментальной науки? Есть ли у Вас такое слово или выражение?

А.Л.: Мне кажется, представление о том, что кто-то сознательно и целенаправленно уничтожает науку в нашей стране, не совсем верно. Я думаю, что это — побочный результат стихийных воровских действий. Если наши властные элиты думают только о личном обогащении и рассматривают страну, ее население лишь как объект грабежа, то и в случае с Академией их интересует лишь ее имущество. Возможно, они вовсе не хотят уничтожать науку, они лишь хотят присвоить материальные ценности, которые пока еще находятся в распоряжении Академии.

Ю.М.: Ну вот, как оказывается, всё просто. Но ведь одним воровством и поборами населения нельзя объяснить все тенденции развития ситуации в РАН и вокруг неё. Давайте попытаемся взглянуть на неё шире.

Первую тенденцию я бы обозначил как финансово-экономическую блокаду академической науки. Присваивая себе материальные ресурсы РАН и распределяя по своему усмотрению бюджетные средства, бюрократия обрекает огромную армию исследователей на зависимое положение наемных работников. Теперь от чиновников будет зависеть то, что будут делать ученые, и какими будут исследования. А им не нужны фундаментальные исследования, особенно такие, как философия.

Теперь не ученые, а чиновники будут определять то, что нужно, а что не нужно государству в развитии науки и устанавливать свои приоритеты. Уже давно правительственные чиновники утверждают руководство академических структур, научные программы и другие документы, принимают решения о финансировании научных исследований. Сегодня же они посягают на собственность РАН, других государственных академий якобы в интересах её дальнейшего сохранения и целевого использования.

Д. Ливанов неправомерно заявляет, что имущество РАН не только использовалось недолжным образом, но и разбазаривалось. Честно говоря, мне в это трудно поверить. А вот как он (Ливанов) и его корпорация распорядятся в ближайшем будущем этим имуществом можно даже не гадать. Убежден, что не пройдет и года, как значительная его часть будет разворована или пойдет с молотка. Ради этого собственно и затевается так называемая «национализация имущества» Академии наук (читай — приватизация по-чиновничьи), как будто прежде оно принадлежало её работникам и каждый из них владел в этом большом бизнесе акциями. Да, имеются злоупотребления, как в любой бюрократической системе, а в РАН таковая тоже имеется. И для этих случаев вполне достаточно прокурорской проверки. Но не лучше ли изменить имеющуюся систему, а не создавать на её месте новую, да еще приглашать варягов со стороны, чтобы управлять имуществом, которое по праву принадлежит всей академии, а не её отдельным сотрудникам. Ведь в нашей стране имеются и другие автономные собственники, например, РПЦ, имущество которой возрастает с каждым годом и превышает собственность РАН многократно. Но этому феодальному княжеству многое позволено, кроме вмешательства в бизнес-проекты чиновников. Видимо, руководство РПЦ ведет себя более чем лояльно, воздерживаясь от какой-либо критики власти.

Что Вы думаете по этому поводу, Александр Леонидович?

А.Л.: Совершенно с Вами согласен. Профессиональная, интеллектуальная, духовно-нравственная деградация населения страны очевидна. Наша нынешняя правящая элита вовсе не больна. Возможно, ее представители не очень образованны, не очень культурны, но они отнюдь не дураки. Их цель — деньги и власть, и они последовательно и настойчиво добиваются этих целей. При этом изобретательно камуфлируют свои подлинные цели разговорами о демократии, о законе и т.п. Они покупают журналистов, газеты, телеканалы, которые промывают мозги населению и внушают ему то, что кажется желательным правящему слою. Я не надеюсь на то, что сейчас в стране возможна организация каких-то сообществ, которые встанут в реальную оппозицию к существующей власти. Впрочем, это опять уводит нас в сторону.

Ю.М.: Стоит ли всё сваливать на власть? Как раз это и уводит нас в сторону. Может, следует разобраться и определить весь круг субъектов ответственности.

Субъекты ответственности

Ю.М.: *Поговорим теперь о тех, кто несет ответственность за происходящее в академической науке. В каждой ситуации имеются свои участники. Одни из них выступают в роли инициаторов, другие – наблюдателей и т.д. Но и те, и другие, и третьи являются субъектами ответственности, которая, правда, распределяется между ними в разной степени.*

Так, в уже упомянутый сталинский период были деятели, инициировавшие систематическое истребление инакомыслящих, их пособники, палачи и каратели, те, кто приводил приговор в исполнение, а также оппозиционно настроенные лица, находившиеся в подавляющем меньшинстве. Я не говорю уже о тех романтиках и идеалистах, которые жили при коммунизме как придуманном ими мире. Это одна из форм социальной шизофрении. Большинство же составляли молчаливые наблюдатели – обычные труженики, наивно полагающие, что их в очередной раз пронесет и не коснется рука палача.

Не буду убеждать Вас в том, что сворачивание пространства свободного творчества ученых и блокировка механизмов их самоорганизации неизбежно приведут к утрате национальных традиций в науке и прекращению деятельности оставшихся научных школ. Это и так очевидно. Разумеется, ни о каких новых национальных программах и направлениях научной деятельности уже не сможет идти и речи.

Хочу представить для начала основных фигурантов и участников ситуации, несущих ответственность за происходящее. Это – (1) власть, ответственная за разгром РАН, других государственных академий, и вся околонучная бюрократия; (2) руководство академии и внутриакадемическая бюрократия, которые допустили данное положение дел и несут свою часть ответственности; (3) большинство научных сотрудников, чья пассивность и бездеятельность лишь усугубили ситуацию.

Околонучная бюрократия. Было бы наивно думать, что в культурном геноциде нации виноват кто-то конкретно или кто-то один. В том то и дело, что вина за деградацию общества и попрание национальных интересов лежит на всей правящей верхушке, но каждый из её представителей несет персональную ответственность за содеянное им в отдельности и совместно с другими (всеми вместе), поскольку он разделяет общую идеологию и пользуется всеми преимуществами своего привилегированного положения. В их распоряжении находится собственность и другие ресурсы, отобранные у народа и присвоенные всем правящим классом. И хотя власть имущие стремятся придать своим действиям анонимный характер, ответственность за них лежит непосредственно на тех лицах или группах, которые разделяют установки, связанные с разграблением страны и, в частности, с деструктивными решениями в сфере образования и науки. Вот почему мы не знаем персонально авторов законопроекта, но можем вполне определить их местоположение.

Разумеется, сегодняшний состав субъектов государственного управления виновен в продолжающемся разрушении фундаментальной науки и высшей школы независимо от тех благих пожеланий, которыми пестрят выступления инициаторов так называемой реформы. Я хочу отметить еще одну тенденцию: бюрократизация системы управления академической наукой выходит на завершающий этап, когда вводится прямое управление научными исследованиями со стороны чиновников, что само по себе чревато параличом научного творчества и откатом отечественных ученых на третьестепенные позиции в мировом научном сообществе. Предполагается, что второсте-

пенные позиции в мировой табели научных рангов мы уже прочно занимаем. Но есть, оказывается, еще куда скатываться, опускаясь всё ниже и ниже.

Что Вы думаете, Александр Леонидович о масштабе содеянного действующей властью в сфере образования и науки?

А.Л.: Ю.М.! Вы затронули слишком много вопросов, обсуждение которых уведет нас в бесконечность. Если кратко, то можно сказать следующее. Наша страна проиграла «холодную войну». В ней установился режим, характерный для колониальных стран. Это те страны, из которых выкачивают сырье, эксплуатируют дешевый труд и т.д. Купленная западными корпорациями властная элита служит не своей стране, а обслуживает интересы ТНК и подчиняется в своей политике указаниям, как говорят, «Вашингтонского обкома». Я пока не вижу, каким образом это положение может измениться.

Ю.М.: Мне кажется, Вы воспроизводите старый, как мир, миф. Правда, вместо идеи заговора Вы предлагаете идею сговора власть имущих с западными корпорациями. Миф о Вашингтонском обкоме уже давно оброс сединой. Надо что-то новенькое придумать. На мой взгляд, важно не только то, чьи интересы реализуют наша власть, но и то, что эти интересы идут вразрез с национальными приоритетами развития научно-технической сферы. Если невозможно поменять власть легитимным путем, то как заставить её учитывать национальные интересы в научной и образовательной политике государства?

Но я хочу вернуться к другим виновникам разгрома Академии.

Внутриакадемическая бюрократия. Наша академическая бюрократия представляет чуть меньшую опасность, чем околонучная. Бюрократы находятся среди нас и по своей сути выступают против демократически организованных научных сообществ. Их трудно распознать, но знать в лицо нужно.

Конференция 2 августа квалифицировала действия правительства «как деструктивные, некомпетентные и преступно безответственные». Конечно, отставка министра образования и науки, других правительственных чиновников принципиально не изменит ситуацию в Правительстве. И все же впервые дана публичная оценка решений. Сколько же надо было издеваться над научным сообществом, чтобы, наконец, дожидаться адекватной реакции.

Но есть и другая сторона этого вопроса. Нужно признать, что ответственность за происходящее лежит также и на руководителях Академии. Много лет наши академики, занимающие высокие посты, продолжали делать вид, что всё идет по плану и что у нас достаточно благоприятная атмосфера в исследовательских институтах. Либерально-демократическая риторика отдельных ученых как-то уживалась с патриархальными традициями и полуфеодальным порядком управления академическими делами, установленным сверху. Рядовые научные сотрудники фактически были отстранены от принятия принципиально важных решений, в т.ч. от выборов в члены РАН, а взамен получали щадящую оценку результатов своих исследований.

К сожалению, члены РАН (академики и членкоры), желая того или нет, были «государством в государстве». Их руководящие представители распределяли выделенные всей академией бюджетные средства по своему усмотрению, не советуясь, как правило, с коллективами ученых, а действуя через своих ставленников (руководителей учреждений и служб). Именно поэтому Д. Ливанов говорит об Академии как «полуфеодальной распределительной организации», в которой большая часть выделенных средств рас-

пределяется сверху и не всегда в интересах самих ученых. Но почему это надо называть феодальной организацией или княжеством? Ведь так происходит практически в любой корпорации. А то, что РАН — уже корпорация — это подтверждают многие факты. Причем корпорация государственная с элементами общественного управления. Теперь же её хотят превратить в жесткую административно-бюрократическую структуру.

Пока я писал эти строки, как бы в подтверждение словам Ливанова, по каналу РЕН шла программа «Диагностика РАН» с подзаголовком «Феодальные княжества». Не правда ли, символично. Над Академией висит угроза ликвидации и вместо поддержки десяткам тысяч обычных ученых наше «независимое» телевидение, не разобравшись в сути затеянной сверху реформы, выпускает программу с разоблачениями деятельности руководства РАН. Но руководство — это далеко не вся академия. Наша внутриакадемическая бюрократия мало чем отличается от обычной государственной бюрократии. И мне она не очень нравится, как и многим моим коллегам. Но что делать, князья и князьки, баре и барыни — феномен отечественной (полуфеодальной и полубуржуазной) бюрократии отнюдь не сегодняшнего дня.

Можно, конечно, оспорить многие вещи, но о них говорят в программе сами ученые и те, кто пострадал от произвола академических властей. Считать их обиженными, а значит субъективными, не получается. Почему-то некоторым из них я верю. Каждый из них, вступив один на один в открытую и заведомо безнадежную борьбу с любой, в т.ч. академической бюрократической системой, проиграет. Но может пора попробовать вместе? А вдруг получится?

Очевидно, что телепрограмма вышла по заказу, как всё, что у нас делают наши СМИ, но факты упрямая вещь. И на них нельзя закрывать глаза, делая вид, что нас это не касается. Вот, например, — деньги, выделенные на квартиры молодым ученым, которые ушли по другому назначению (только 300 квартир из 5000 тысяч получили ученые), зато построены дома для работников Президиума РАН и хозяйственной службы РАН стоимостью 1 млн. дол. и выше каждая, а также элитные дома в Новосибирском академическом городке, принадлежащие местной академической бюрократии (при этом многие рядовые ученые годами ютятся в общежитиях); значительная часть научных журналов РАН и другие академические издания находятся в собственности американского гражданина, руководителя Международного академического агентства «Наука»; экспонаты музея палеонтологии также находятся в распоряжении американских партнеров; в общежитии аспирантов и стажеров РАН свободно проживают нелегальные иммигранты (вьетнамцы, тайцы и пр.) и здесь же имеют свои рестораны; дачи первых лиц Академии в Рублёвке и на Барвихе стоят несколько миллионов долларов и пр. Можно остановиться. Достаточно.

Но ведь не только этим «славна» наша Академия. Как и в любой государственной корпорации, в ней имеются свои изъяны, имеющие системный, а не частный характер. Не мне, конечно, судить о «финансовых махинациях» в Президиуме РАН. Если они подтвердятся, то пусть этим займется прокуратура, которая, кстати, уже начала проверку. Упомянутые в телепрограмме имена бывшего Президента РАН, его вице-президентов и руководителей управлений мне ни о чем не говорят. Я их лично не знаю. Их заоблачные зарплаты меня тоже мало интересуют.

Почему наше телевидение, предпочитающее стряпать жареные факты, не выявляет реальные проблемы академического сообщества, которое придавлено глыбой формально-бюрократической отчетности, получает нищенские зарплаты и ведет зависимый

образ жизни. Не потому ли, что оно само является наиболее извортливой частью авторитарно-олигархического режима и прогибается под бюрократическим прессом власти?

Нужно говорить о том, что элементарные человеческие и профессиональные права ученых нарушены, а академические свободы попораны. Каждый из нас, как научный сотрудник Академии, вправе получать за свой труд достойную и вполне заслуженную зарплату и иметь нормальные условия для работы.

Надо признать, что в нашем академическом доме не всё ладно. Самоуправление, о котором мечтали многие поколения ученых, так и не случилось, а привилегии отдельным категориям работников остались. Сегодняшние члены РАН — это привилегированная часть академии, имеющая право голоса на своих внутренних заседаниях и высокую зарплату. Да, многие из них получили свои звания вполне заслуженно и в рамках существующих процедур. Но были и те, кто этого звания не достоин. В последние 10-15 лет ситуация в гуманитарных отделениях РАН резко ухудшилась. В академию стали принимать людей, не имеющих реальных научных заслуг, но приближенных к власти. Некоторые из них не имеют серьезной репутации в научной среде. И это не могло не сказаться на ухудшении внутриакадемической атмосферы. В глазах многих профессиональных ученых звание академика или членкора перестало пользоваться уважением, стало чуть ли не нарицательным.

В заключение данного фрагмента своего выступления я хотел бы обозначить еще одну тенденцию, ведущую к деградации академической науки. Это — формально-бюрократическая деформация отношений внутри академического сообщества, обусловленная, с одной стороны, его разделением на привилегированную категорию, пополняемую недемократическим путем и, зачастую, не за счет личных научных заслуг, и зависимую часть (рядовых сотрудников), полагающихся исключительно на свой труд, а, с другой стороны, размыванием ценностных критериев оценки результатов научной деятельности и появлением феномена псевдонауки (и псевдоученых). Там, где нет равенства возможностей в продвижении наиболее достойных в научном плане ученых, не может быть и здорового отношения к академическим регалиям. Все критерии оценки извращены по сути, а границы должного искажены.

Александр Леонидович! Как Вы считаете, что происходит в системе управления РАН, что препятствует формированию благоприятной среды для научного творчества и созданию здоровой и свободной конкуренции?

А.Л.: В государстве, в котором на место высшей ценности поставлен золотой телец, а все средства обогащения — воровство, взяточничество, коррупция во всех ее разновидностях — считаются нормальными и почти не преследуются по закону, вполне естественно, что моральное разложение заразило и часть ученых. Наука и ученые существуют же не в вакууме, а в социуме, и если социум порочен, то и ученые заражаются теми же пороками. Мы сейчас спокойно признаем этот факт и даже миримся с тем, что академическая верхушка выбивает для себя миллионные гранты, дополнительные зарплаты и т.п., используя свое служебное положение. Но Вы правы, что это должно вызывать у нас ужас и омерзение. Если сопоставить ученых дореволюционного времени и советского периода нашей истории, если сопоставить чеховского интеллигента с некоторыми современными учеными, то становится ясно, до какой степени нравственной деградации мы докатились. Реформы в Академии нужны.

Ю.М.: Но реформы должны проводить не те, кто развалил страну и образование, а здоровые силы академии. Моральное разложение не может быть следствием рацио-

нального выбора. Это — скорее следствие многих факторов, а не одного из них, например, воровства. К тому же вирусом разложения заражены далеко не все ученые. Имеется, конечно, среди нас и прикормленная часть, избалованная вниманием начальства и систематическими грантами. Большинство же ученых остались ни с чем и ни с кем. Они предоставлены самим себе, довольствуясь малым (скудными зарплатами) и продолжая при этом заниматься своим любимым делом — научными исследованиями.

Среди виновников находятся и сами ученые, составляющие молчаливое большинство в Академии и отечественном научном сообществе в целом. Я бы не стал снимать полностью с них ответственность.

Молчаливое большинство. Существующее положение дел в РАН до сих пор устраивало как управляющих, так и управляемых. Ведь остальные работники, не являющиеся членами академии, могли особенно не напрягаться и не пытаться что-либо изменить. Их вполне устраивало существующее положение дел. Это они, а значит и мы с Вами:

- забыли или стерли в памяти свою принадлежность к интеллигенции;
- не смогли идейно обеспечить критику действующего режима власти, повинного в последовательном разрушении науки;
- не предложили альтернативную стратегию научно-технического развития страны;
- устранились от дел и ответственности, отдав всё (или почти всё) на откуп нерадивым и алчным чиновникам от науки.

Поэтому не зря чиновники называют нас «молчунами», такими молчаливыми мозгами. Однако ради справедливости скажу, что молчат не всегда те, кому нечего сказать. Чаще всего молчат от безысходности и бессмысленности любых инициатив. Конечно, в душе многие из нас мнят себя революционерами, вот только заявить о своей позиции мы почему-то не решаемся или боимся. Страх глубоко проник в наше подсознание. Причем страх особый, генетический, доставшийся нам по наследству еще от прежних времен. Это боязнь не конкретных людей, наделенных властными полномочиями, а страх системный. Ведь потерять работу, а вместе с ней и возможность заниматься своим любимым делом, легко. Также легко прослыть «скандалистом», «конфликтным человеком», не вписывающимся в рамки системы. Система (тоталитарная, корпоративная, клановая и пр.) всегда находила возможности для устранения неудобных лиц. На то она и система, чтобы держать под контролем своих членов. Беда только в том, что в управленческой иерархии любой системы всегда выигрывает тот, кто находится выше.

В этой связи позволю себе выделить еще одну, четвертую тенденцию развития ситуации, сложившейся в РАН. Это — распространение в академическом сообществе настроений нигилизма и социального изживенчества на фоне общей гражданской пассивности и социокультурной дезинтеграции (деидентификации) большинства ученых. Увы, ученые перестали быть интеллигентами, несущими особую духовную миссию, но еще не стали интеллектуалами буржуазного толка. Они застряли «между», между уходящей в прошлое советской интеллигенцией и новым слоем наемных интеллектуалов. И усидеть между двух стульев им длительное время не удастся. Конечно, всегда есть третий путь — стать интеллектуалами иного рода, сформировать новую культурную идентичность. Но это процесс длительный, не одного десятилетия. Пока же предпосылки для формирования новой научной общности отсутствуют.

Что Вы можете сказать, Александр Леонидович, о причинах пассивного поведения научной интеллигенции, работающей в академической сфере? Есть ли у неё шансы занять активную гражданскую позицию и отстаивать своё право на свободное творчество?

А.Л.: Мне кажется, Юрий Михайлович, что ученый, с искренним внутренним интересом занимающийся своими исследованиями, не будет проявлять гражданской активности, тем более, лезть в политику. Помните, в 1990-е годы нам практически не платили зарплату. Я тогда был вынужден работать сразу в 5-6 вузах, летать в Сибирь в филиалы этих вузов, чтобы как-то кормить семью. То же самое, по-видимому, делали многие. Но даже тогда мы не пытались как-то организовать, не помню даже слабых выражений протеста. Правда, если ученого лишить возможности заниматься любимым делом, то только это способно подвигнуть его на протест. Но я не верю в серьезность протеста ученых. Здесь гораздо большую роль могут сыграть студенты – та молодежь, которая стремится к знаниям, стремится в науку и которую лишают возможности реализовать себя.

Ю.М.: Вот здесь я с Вами согласен. Одна надежда на молодежь. Моё и Ваше поколения уже потеряны для гражданского участия. Но ведь кто-то должен нашу молодежь вести. Неужели Вы думаете, что она сама без участия взрослой и зрелой части научной интеллигенции сможет найти свой путь? И что еще нужно сделать власти, чтобы ученые, наконец, проснулись после долгой социальной спячки. И если не мы, то наши представители должны идти в политику и защищать наши права. Ведь очень скоро у нас уже не будет возможностей заниматься своим любимым делом!

Но имеется еще одна группа лиц, ответственных за развал академической науки. Это – ученые слуги нынешней власти.

Интеллектуальные пособники на службе у бюрократии. К тем, кто обсуждает интересы правящего класса, относятся, прежде всего, либеральные интеллектуалы или люди, прикрывающиеся либеральной идеологией. Ни для кого не является секретом, что у власти в науке есть своя группа интеллектуальной поддержки. Они называют себя интеллектуалами, отменяя возможные упреки в неинтеллигентности. Неправда ли – удивительный альянс: с одной стороны, власть имущие, занятые личным обогащением и потерявшие окончательную связь с реальностью, с другой – бывшие или несостоявшиеся интеллигенты, которые продали душу демону коммерческого успеха, достигаемого любой ценой. Их объединяет нелюбовь к стране, которую они не принимают умом и сердцем, но продолжают использовать как источник личной наживы. Сегодня они находятся на службе у кукловодов праздного класса, который лишь декларирует либеральные ценности, а на деле занимается беспощадной эксплуатацией ресурсов страны и, прежде всего, человеческих, ради своих корыстных целей.

Кто же они – эти интеллектуальные пособники? Я не утверждаю точно, но время от времени в печать проникает информация, что за многими инициативами Минобрнауки РФ, ужесточающими и без того нелегкое положение ученых и преподавателей, стоят представители некоторых карманных вузов, выполняющих заказы на выработку технологий удушения отечественного образования.

Я думаю, что имена этих «героев» хорошо известны узкому кругу экспертов. Это им мы обязаны ужесточением формальных критериев эффективности научной и образовательной деятельности, в т.ч. ростом учебной нагрузки рядовых преподавателей и понижением качества образования. Вузовская бюрократия пытается втиснуть эти нововведения, скроенные наспех с учетом западных научных и образовательных стандартов, в узкое горлышко имеющихся возможностей.

Как ни странно, драконовские меры в системе оценки эффективности научной и образовательной деятельности произвели результат, противоположный ожидаемому.

Никто не стал работать лучше, а вот профессионалов своего дела с каждым годом в вузах (и в стране) становится всё меньше. И вопрос не только в беспощадной эксплуатации ученых, но и в невыносимой обстановке, сложившейся по вине вышестоящих структур и руководства большинства вузов, использующих в качестве прикрытия либеральную риторику и оторвавшихся от нужд рядовых преподавателей.

Коммерциализация образования набирает свои темпы. Но она не учитывает такой критерий, как качество услуг. Теперь уже не важно, какой ты исследователь или лектор. Главный показатель эффективности твоей деятельности — всё те же деньги. Среди преподавателей ценятся не те, кто может делать свою работу на высоком профессиональном уровне, а те, кто «приносит» деньги (проекты, платные образовательные услуги и пр.). Уже не кадры, а деньги решают всё.

Между отрядами интеллектуалов, работающих в высшей школе, уже давно наметился раскол: относительно незначительная по численности часть из них находится на службе у властвующей элиты, а большая часть получает своё пособие по безработице и продолжает, едва сводя концы с концами, балансировать на грани поиска истины и имитации процесса исследований. Отсюда вытекает следующая тенденция: расширение зоны конфликта интересов различных отрядов научного сообщества, в т.ч. в системе высшего профессионального образования.

Что Вы думаете, Александр Леонидович, о ситуации самоопределения ученых в высшей школе?

А.Л.: Мне известны такие карманные вузы. Их организовали и ими управляют люди, обслуживающие властную элиту. Но вот, Юрий Михайлович, способны ли мы — гуманитарии — объявить, что работа в таком карманном вузе позорна для порядочного человека, объявить бойкот всем ее сотрудникам, в том числе нашим коллегам преподавателям? Это могло бы привести к тому, что порядочные люди стали бы увольняться из этого вуза. И этот вуз умер бы как учебное заведение. Было бы одержана маленькая, но весьма символическая победа. Способны ли мы хотя бы к такому слабому протесту? Что касается положения с высшим образованием, то это — особый вопрос, требующий специального обсуждения.

Ю.М.: Слабое утешение. Бюрократия и так уже уничтожила не один вуз. Давайте еще своими руками устроим разгром еще нескольких вузов, где работают наши коллеги. Они тут причем? Ими управляют те, кто как раз обслуживают власть имущих. Я уверен, что большинство преподавателей этого или другого вуза не имеет прямого отношения к выработке антинациональных решений в сфере образования. Каждый устраивается там, где может и как может. Да, их подкармливают понемногу, хотя при этом беспощадно эксплуатируют и натравливают друг на друга. Но и мы продолжаем на своём месте молчать и приспосабливаться. То, что с нами происходит, относится ко всем без разделения на «своих и чужих». Этого как раз от нас и добиваются технологи так называемых реформ науки и образования. Они хотят посеять рознь между нами, чтобы ослабить потенциал сопротивления фактам развала отечественной науки и образования. Не стоит им в этом помогать.

Об интеллигенции в целом: шаг вперед и два шага назад. Об ответственности научной интеллигенции хотел бы сказать отдельно. Во всех радикальных преобразованиях российского общества и на всех этапах его истории самое активное участие принимала интеллигенция, работающая в сфере науки и образования. Наша интеллигенция подготовила вначале две революции — Февральскую и Октябрьскую. Правда, потом

революционные интеллигенты оказались в своём большинстве в сталинских лагерях. Именно интеллигенты либерально-демократического толка стали первым эшеломом власти в период так называемой перестройки. Большинство из них теперь отошли на вторые и даже третьи роли. Но некоторые остались, сняв с себя все маски и, желая укрепить свои позиции в бюрократической системе, стали инициаторами нынешних изменений.

Обостренное чувство совести, которое во все времена отличало российскую интеллигенцию, плюс представления о своей особой духовной миссии в обществе, постепенно уходят на второй план и вытесняются на периферию сознания. Что-то случилось с нами в последние двадцать лет. Боюсь, что мы перестали быть не только интеллигентами, но и людьми с чувством собственного достоинства, поддерживая лишь видимость самих себя. Мы ушли в тень, стали людьми без совести и без голоса. Такие молчаливые головы, блуждающие одиноко в тени.

И все же пассивность научной интеллигенции можно объяснить. Сегодня она влачит плачевное социально-экономическое положение, на которое её обрекает бюрократическая верхушка государственного аппарата, измеряющая свои собственные доходы совершенно по другим, коммерческим критериям. Вместо реальных данных исследований от нас часто требуются суррогаты научности — бесконечные отчетные формы, имитирующие результаты.

Процессы, которые выражают общую тенденцию, характеризующую ситуацию в науке, можно обозначить следующим образом: резкое сворачивание и формальная регламентация пространства свободного научного творчества российских ученых. Чтобы восстановить утраченные возможности и традиции научной деятельности в России, необходимо переформатировать научное пространство на новых основаниях.

Александр Леонидович! Куда идет сегодня научная интеллигенция или то сообщество, которое от неё осталось? Разделяете ли Вы представление о конце интеллигенции? Есть ли у нас, работников науки и образования будущее?

А.Л.: Юрий Михайлович, по-видимому, Вы заметили, что я не разделяю Вашего отношения к советскому, в частности, к сталинскому периоду нашей истории. Российская интеллигенция в своем большинстве активно работала на советскую власть. Кстати, и западноевропейская интеллигенция также приветствовала Октябрьскую революцию. И ни в каких лагерях большинство интеллигенции не сидело.

Но Вы обратили здесь внимание на действительно важный аспект. Интеллигенция действительно готовила идеологическое обеспечение крупных социальных преобразований — так было в Англии, во Франции периода буржуазных революций, так было и у нас. Люди, осуществившие Октябрьскую революцию и создавшие советское государство, опирались на марксистскую (как они ее понимали) идеологию.

Контрреволюция начала 1990-х, как верно Вы заметили, также опиралась на определенную идеологию — либеральную. Для того чтобы серьезно говорить об изменении существующего режима, мало обличать его недостатки — на этом спекулируют сейчас все, — яркий пример тому — Навальный. Нужно же предложить позитивную идеологию — что мы хотим построить взамен?

Мне кажется, важнейшая задача, стоящая перед нашей интеллигенцией сегодня и, прежде всего перед гуманитарной интеллигенцией — это выработка нового социального проекта, способного увлечь значительные массы людей. Если мы сумеем разработать хотя бы общий контур такого проекта, то выполним свою социальную

функцию — функцию интеллигенции. Что касается совести, то я все еще верю в то, что не только большинство образованных, мыслящих людей сохраняет совесть, но ее сохраняет и большинство населения страны.

Ю.М.: Слушая Вас, Александр Леонидович, я всё больше убеждаюсь в наличии еще одного противоречия внутри научного сообщества. Мы разделены не только на привилегированную и зависимую, реальную и имитационную, независимую и наемную группы. Между нами пролегает также идейная граница. Вот, Вы, например, не скрываете, что симпатизируете сталинизму. Я придерживаюсь другой идейно-политической ориентации. Конечно, я не думаю, что Вы последовательный сталинист, разделяющий во всём идеологию всеобщего насилия и истребления инакомыслящих как «врагов народа». В то же время нас сближает с Вами общая оценка сегодняшней ситуации как деструктивной и ведущей к окончательному разрушению институтов науки, в т.ч. РАН.

От того, что мы с Вами выработаем общий контур проекта переустройства общества, который, возможно, увлечет массы, не изменится принципиально наша судьба. Сегодняшним массам нужны в большей степени хлеб и зрелища. Им не нужны идеи свободы и справедливости. Во всяком случае, большинству из них. К тому же российские люди устали и не готовы жертвовать своим положением во имя каких-то идей. И мы, работники науки, не готовы.

И стоит ли их и нас упрекать в том, к чему мы не готовились всем ходом своей жизни? Вы же сами настаиваете на том, что каждому своё, и мы не должны идти в политику. Да и воевать мы не умеем. Тогда наша с Вами задача состоит не в построении социальных проектов, что подтверждает косвенно мессианскую роль интеллигенции и её неизбывные мечты сделать мир лучше, а в профессиональной и гражданской подготовке руководителей и лидеров нового поколения.

Подведем теперь некоторые итоги. Я вовсе не считаю, что в создавшейся ситуации виноваты все в одинаковой мере. Львиная доля ответственности лежит на действующей власти, принимающей деструктивные, противоправные и аморальные по сути решения, которые направлены на подрыв стратегически важных приоритетов научно-технического развития страны. Ведь уничтожение фундаментальной науки, основы которой закладывались в течение нескольких веков, под каким бы предлогом оно не проводилось, является самым настоящим преступлением против России.

Мой диагноз развития ситуации, к сожалению, неутешителен. На данном этапе правительственные силы имеют крупное позиционное преимущество, административные ресурсы и фактор времени. Полагаю, что руководство академии, уже продемонстрировавшее готовность идти на компромиссы и уступки, вряд ли возглавит борьбу за возвращение РАН автономного статуса. Этот раунд мы уже проиграли. Решение принято и теперь нас будут вытеснять из обжитого профессионального и научного пространства. И мы не видим с Вами тех, кто будет противостоять чиновничьему беспределу. Удается ли нам поддержать молодежь или она организуется сама без нашего участия? Не думаю.

А каков Ваш вердикт, Александр Леонидович? Чем кончится бюрократическая реорганизация РАН? Найдутся ли силы, способные остановить разрушение.

А.Л.: Я настроен несколько более оптимистично. Вы же знаете, Юрий Михайлович, что у нас часто на самом верху принимают какие-то решения, а пока они дойдут до низа, много времени уйдет. Надеюсь, реализация решений насчет реформы Академии затянется на несколько лет, а там видно будет.

Ю.М.: Вы – неисправимый идеалист. Достаточно нескольких месяцев, чтобы окончательно сломать систему управления и самоуправления в РАН. Не рассчитывайте спокойно уйти на пенсию. Не получится. Скоро никакой пенсии не хватит, чтобы оплатить коммунальные расходы. А дальше что: освобождение жилплощади, переезд в трущобы и голодное существование? Боюсь, что скоро так и будет. Неужели Вы не понимаете, что нас выживают не просто из науки, а из страны и даже из самой жизни, если то, что с нами происходит в стране в последние годы можно назвать полноценной жизнью?

3. Что делать?

Ю.М.: Разрушение РАН со стороны Правительства РФ и других бюрократических структур началось не в этом году, а лет десять назад, когда Президента Академии наук стали утверждать, а не выбирать. Постепенно, шаг за шагом сфера автономии РАН сужалась, а её деятельность всё больше подпадала под контроль правительственных структур. Даже в советские времена АН СССР обладала гораздо большей самостоятельностью, чем сегодняшняя академия.

Мой предварительный вывод таков: поспешные, безответственные и неправомерные действия власти в отношении РАН и других государственных академий, равно как и иные систематические злоупотребления бюрократии в разных областях общественной жизни толкают академическую общественность на путь политической радикализации в дальнейшей борьбе за свои права и свободы. А это и есть главная тенденция развития отечественной науки на современном этапе.

А Вы что думаете о готовности академического сообщества к участию в решении судьбы РАН и всей науки?

А.Л.: Юрий Михайлович! Я не готов здесь обсуждать пороки власти. Что касается политической радикализации академического сообщества, то я побаиваюсь этой радикализации и надеюсь, что ее не произойдет. Здесь ведь, Юрий Михайлович, нужно учесть еще один важный момент. Нынешняя власть, какой бы плохой она ни была, все-таки как-то сохраняет целостность России как единого государства. Но есть немало сил, стремящихся разорвать Россию на куски – отделить Сибирь, отделить Кавказ и т.д. Я опасаясь, что наше противостояние существующему режиму способно сыграть на руку вот этим силам.

Ю.М.: Вы не правы, Александр Леонидович! Политическая радикализация ученых не означает вовсе их незамедлительного участия в свержении существующей власти и последующего раздела территории. Кстати, последнюю мы уже потеряли, так как только наивные люди могут считать, что мы что-то еще контролируем. Но не об этом идет речь. В нормальном обществе-государстве у каждой социальной группы должны быть свои представители во власти и политические партии, выражающие её интересы. Я не удивлен, например, тем, что при голосовании в Думе «против» выступили только коммунисты. Они-то знают цену учености всех остальных депутатских фракций. Кто же должен представлять науку в высших органах государственной власти? Или Вы думаете, что всё само собой решится?

Теперь о нашей ситуации. Я не готов предложить развернутую программу реформирования РАН. Это не под силу одному человеку. РАН надо реформировать, но не с помощью корпорации бездушных чиновников, отравленных алчностью и пропитанных ненавистью ко всему иному, а силами светлых, энергичных и умных реформаторов, име-

ющих перед собой четкий и согласованный с учеными план действий. А таких в РАН (и не только в ней) еще осталось много. Они сами, без вмешательства извне как-нибудь разберутся. Полагаю, что идея общества знаний может послужить толчком для формирования социального окружения и создания наукоградов на территории всей страны. А то, что нацию спасут от самоуничтожения и вырождения люди науки, создающие соразмерные человеку новые концепции и высокие технологии, я глубоко убежден.

А что бы Вы могли предложить по развитию РАН и всей фундаментальной науки в сегодняшней России?

А.Л.: Юрий Михайлович! Высказанные Вами идеи и соображения о реформе Академии кажутся мне интересными и заслуживающими обсуждения. Но это — особая проблема.

Ю.М.: Конечно, проблему можно отложить, когда её решение уже ни на что не повлияет. Спасибо за начало непростого разговора.

Примечание

1. см.: http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2013/law/3058286_05_07_2013.pdf (Обращение – 20.08.2013 г.).